

ЗНАЧЕНИЕ ТРУДОВ В. И. ЛЕНИНА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ АНТИЧНОСТИ

(Материалы симпозиума)

28—29 января 1970 г. в Москве состоялся симпозиум «Значение трудов В. И. Ленина для изучения античности», организованный сектором древней истории Института всеобщей истории АН СССР и журналом «Вестник древней истории». В работе симпозиума приняло участие около 50 человек из 10 городов Советского Союза.

Открывая первое заседание симпозиума, *С. Л. Утченко* (Москва) в своем вступительном слове говорил о том, что приближающееся 100-летие со дня рождения В. И. Ленина широко отмечается во всем мире. Каждый день приносит новые свидетельства возрастающего влияния ленинизма на мировое общественное развитие. Теоретическое наследие В. И. Ленина, творчески разрабатывавшего марксистское учение на новом историческом этапе, имеет неопценное значение и для нас, историков, вооружая нас научной методологией, знанием законов исторического развития. Учение о социально-экономических формациях — краеугольный камень марксистско-ленинского понимания истории. Этой теме в программе симпозиума отводятся два доклада. С той же темой тесно связана проблема становления государства, которая тоже подробно рассматривается в особом докладе. В этих докладах затрагивается и проблема социальной революции, в частности, в истории древности. Два доклада посвящены ленинскому учению о культуре в приложении к античности.

На утреннем и вечернем заседаниях 28 января были прочитаны три доклада и начаты прения.

Первый доклад «Значение трудов В. И. Ленина для изучения античности» прочитала *Е. М. Штаерман* (Москва).

В. И. Ленин, обращаясь к различным явлениям истории и культуры, с одной стороны, подчеркивал их историческую обусловленность господствующими отношениями, с другой же, привлекал их (как это делали и К. Маркс и Ф. Энгельс) для выявления действия ряда основных социальных факторов в различных формациях, для более полного и всестороннего анализа некоторых теоретических вопросов — говорит докладчик. Указанный В. И. Лениным метод сочетает принцип историзма с выявлением общих исторических закономерностей и открывает широкие возможности для глубоко фундированной критики как модернизации истории, так и идеалистических и антидиалектических направлений во всех сферах философской и историко-философской мысли. Это показывает актуальность изучения каждой формации, в том числе и античной, для суждения о ходе всемирно-исторического процесса, а значит и его современного этапа.

Дискуссии последних лет, по мнению докладчика, показали, что природа рабовладельческой формации и, соответственно, формационной принадлежности различных древних обществ, еще не вполне выяснены нашей наукой. Подойти к решению этих проблем можно, лишь попытавшись освоить метод, которым В. И. Ленин пользовался, во-первых, формулируя общие положения о социально-экономических формациях, а во-вторых, анализируя конкретные формации и устанавливая формационную принадлежность конкретного общества. Тем большее значение имеют для историков античности все труды В. И. Ленина, а не только те, где непосредственно упоминаются древние Греция и Рим. К проблеме формации В. И. Ленин обращался постоянно, начиная от первых работ, посвященных пореформенной России и кончая последними, анализирующими переход от капитализма к социализму.

Основным в ленинском методе был принцип рассмотрения формации не как «механического агрегата» отдельных элементов, каждый из которых может быть перенесен в другую формацию, а как развивающейся системы органически взаимосвязанных элементов и взаимообусловленных связей. В. И. Ленин считал недопустимым перенесение закономерностей, свойственных одной такой социальной системе на другие, так как каждое явление и процесс получает свое значение лишь в контексте соответствующих исторических условий. Он напоминал, что диалектический метод обязывает «смотреть на общество, как на живой организм в его функционировании и развитии»¹.

Эти мысли В. И. Ленина чрезвычайно важны для критики современных субъективистов, противопоставляющих историю «точным» наукам именно вследствие сложности социальных явлений и роли, которую в ней играет воля людей. Они важны для утверждения взглядов на формацию как на сложную, но поддающуюся изучению систему, исследование которой позволяет познавать исторический процесс в его динамике.

Как систему, В. И. Ленин рассматривал и лежащие в основе формации производственные отношения, т. е. все отношения, складывающиеся в процессе производства и обращения. Поэтому ни один отдельно взятый элемент этих отношений не может определить формационную принадлежность общества. Так, например, наличия наемного труда в обществе еще недостаточно, чтобы причислить его к капиталистической формации. наличия рабства — к рабовладельческой. (Не может иметь значения и численность рабов, тем более, что историк древности, как правило, не имеет надежного — а то и вообще никакого — статистического материала.) Не определяет формации и отдельно рассматриваемый тот или иной вид собственности (государственная, общинная, мелкая крестьянская и т. п.).

Говоря о какой-либо формации, подчеркивает докладчик, В. И. Ленин характеризует ее всегда на основании сочетания, свойственного именно данной — и никакой иной — формации, различных элементов производственных отношений. Во всех случаях он указывает на характер распределения собственности, обуславливающего социальную структуру, господство того или иного класса, а для антагонистических обществ также форму извлечения прибавочного продукта; на характер производства (натуральное или товарное), его цель, организацию и порождаемый ею тип общественных связей, возможности и направление развития производительных сил; на государственность, наиболее адекватную функционированию и развитию данного социального организма; на специфические

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 192.

формы классовой борьбы, социальную психологию и идеологию. Все эти элементы получают свое значение лишь в их связях между собой и данной системой, рассматриваемой в ее генезисе и развитии. Под соответственным углом зрения должны изучаться и древние общества.

Особое значение для историков античности имеет учение В. И. Ленина о различных сосуществующих в обществе укладах, об их взаимопроникновении и влиянии на направление развития общества, его классовую структуру. Так, говорит докладчик, в раннем Риме мы видим переплетение клиентелы и рабства с тенденцией к развитию последнего, борьбу различных сил за пути разрешения тогдашнего «аграрного вопроса», определявшие форму, которую должно было принять конституировавшееся государство, наконец — победу пути, на котором складывалась античная форма собственности и адекватная ей организация гражданской общины. Подробно анализируется в докладе и характер многоукладности в Римской империи. Выявление для того или иного общества (или периода истории) господствующего уклада, который крепнет и развивается за счет разложения других укладов, имеет существенное значение для суждения о формационной принадлежности изучаемого общества.

При рассмотрении генезиса и гибели античного мира, говорит далее докладчик, следует опираться на положение В. И. Ленина о путях становления и гибели формации и о переходных (от одной формации к другой) периодах, знаменующихся изменением отношений собственности и сменой стоящего у власти класса. В. И. Ленин показывает многообразие форм (зависящих от конкретных исторических причин) таких переходных периодов, их неизбежную — большую или меньшую — длительность, сочетание элементов старого и нового во всех сферах жизни. Таким образом «нетипичность» (по сравнению не только с пролетарскими, но и с буржуазными революциями) эпохи перехода от античности к феодализму сама по себе еще не дает права отрицать ее характер как эпохи социальной революции. Говоря о переходных эпохах, В. И. Ленин не раз отмечал, что новый способ производства не появляется сразу без долгого ряда неудач и рецидивов. Поэтому, несмотря на то, что в период перехода к феодализму сохраняется многое от старой организации хозяйства, системы управления, что к нему привлекаются представители старого господствующего класса, старой культуры, что жива старая социальная психология и идеология, — все эти факты еще не могут служить аргументом для теории континуитета, для отрицания социальной революции. Следует пытаться выявить под покровом старых форм новые классовые отношения и основные тенденции развития.

Затем докладчик обращается к рассмотрению того, каким образом ленинский метод исследования формаций должен быть применен, в частности, к спорному вопросу о принадлежности античного мира и стран древнего Востока к одной или разным формациям. Не предвещая ответа, докладчик полагает, что начинать следует с попытки наиболее полно охарактеризовать черты рабовладельческой системы там, где она была столь же «идеальной» и «типичной», сколь «идеальным» и «типичным» был английский капитализм, — т. е. в античном мире. Ее следует брать именно как систему, а не как комбинацию одного-двух элементов, и потом уже выяснять, соответствовали ли ее коренные, существенные черты существенным чертам древневосточных, доколониальных африканских, доколумбовых американских или любых иных рассматриваемых обществ.

В заключительной части доклада Е. М. Штаерман пытается наметить в самом сжатом очерке характерные черты и условия возникновения, функционирования и движения античной рабовладельческой формации.

В ходе доклада Е. М. Штаерман останавливалась и на конкретных задачах, какие ставит перед историком древности изучение ленинского метода исследования социальных организмов. Докладчик показывает, какие вопросы еще недостаточно разработаны и должны стать предметом исследования. Это, в частности, вопрос о типах общественных связей (включая отношения между группой и личностью, группой и принудительной властью, характер общественной дифференциации) и об их эволюции. Следует выяснить также соотношение классового и сословного деления общества на разных территориях и в разные периоды, в связи с превалированием земельной или денежной собственности, натурального или товарного производства и т.д. К недостаточно выясненным вопросам относятся и проблема соотношения товарного обращения и товарного производства (В. И. Ленин различает эти понятия) и переход от одного к другому в различные периоды античной истории. Дальнейшего исследования требуют вопросы о генезисе античной формы собственности, о различных укладах в Римской империи, путях их развития и роли при переходе к феодализму, о соотношении политики и экономики, о структуре, характере и роли государственного аппарата в разные эпохи.

Только осваивая ленинский метод анализа социальных явлений и опираясь на изучение трудов В. И. Ленина, можно рассчитывать подойти к решению стоящих перед историками древности проблем.

Доклад на тему «Проблемы периодизации общественно-экономической формации в произведениях В. И. Ленина» был прочитан *В. И. Кузицыным* (Москва).

Понятие общественно-экономической формации, говорится в докладе, было сформулировано К. Марксом и Ф. Энгельсом. Это основное понятие марксистской исторической науки получило всестороннюю разработку в трудах В. И. Ленина².

Общественно-экономическая формация — понятие сложное: оно включает в себя и способ производства (т. е. определенное единство производительных сил и производственных отношений), и классовую структуру общества, и его государственность, идеологию и т. д. Определяющим, структурообразующим элементом этой системы является способ производства.

Далее докладчик останавливается на связи понятия формации с общей теорией развития и понятием исторического прогресса (развитие по спирали), а также на исторических законах. Наряду с общими историческими законами существуют и специфические закономерности развития отдельных формаций: эти специфические закономерности действуют на основе общих законов, которые находят в них свое проявление на данном этапе. Отрыв специфического от общего ведет к рассмотрению формации в отрыве от единого процесса исторического развития, к «цивилизациям» А. Тойнби. Выпячивание общего — к разговорам об обществе «вообще».

Положение диалектики о самодвижении (борьбе противоположностей) находит в истории выражение в борьбе классов. Основное противоречие каждой формации — раскол общества на антагонистические классы, особые для каждой формации (для рабовладельческой — рабовладельцы и рабы), — основная движущая сила исторического развития. Но в обществе есть и неосновные классы и неглавные антагонизмы. Поэтому всякая формация характеризуется сложным переплетением различных линий классовой борьбы. Слабое развитие рабства и менее четкое деление на классы в ранней античности обуславливали иную расстановку сил, чем в поздней. Классовые антагонизмы воплощают в себе экономические противоречия. Однако взаимозависимость эта — сложная. На примерах из

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 139, 429.

истории древности можно видеть, что кризисы экономики и обострения классовых противоречий отнюдь не всегда совпадают.

Докладчик критикует распространенное, но неверное, по его мнению, понимание стихийности борьбы угнетенных классов в докапиталистических формациях. Идеологии у рабов не могло не быть, рабская идеология могла лишь быть не отчетливой, не разработанной, находя себе выражение обычно в религиозных системах. Роль сознательного элемента в истории выше, чем может казаться. Нельзя сбрасывать со счетов и сознание господствующего класса, составляющее его силу. Потому-то не всегда можно свергнуть его и при революционной ситуации. Роль общественного сознания в классовой борьбе еще более осложняет картину. Между тем значение сознательного элемента в развитии и консервации общественного строя иногда преуменьшается в нашей науке. Как положительный пример можно отметить внимание, уделяемое христианству в работах Е. М. Штаерман.

Не входя в подробный разбор достаточно ясного вопроса о роли государства в классовой борьбе, докладчик уделяет специальное внимание лишь проблеме бонапартизма, периодов (иногда весьма долгих) временной самостоятельности государства как кажущегося посредника между борющимися классами. Это явление, изученное К. Марксом и В. И. Лениным³, известно и античности, однако историки не всегда обращают на него должное внимание, какое отличает, например, анализ римского цезаризма в работах Н. А. Машкина.

Подчеркнув богатство и многосторонность марксистско-ленинской теории классовой борьбы, докладчик переходит к вопросу о механизме классовой борьбы в разных формациях и о социальной революции в древности.

При переходе от рабовладельческого способа производства к феодальному, носителями нового способа производства были не рабы, но феодалы и крестьяне. Между феодалами и рабовладельцами не было, однако, такой непримиримой противоположности, как между буржуазией и феодалами или пролетариатом и буржуазией. Отсюда и невозможность падения рабовладельческой формации в результате революции типа пролетарской или буржуазной. Поэтому период социальной революции растягивается здесь на несколько столетий, а революция эта не принимает форму восстания. Она может принять форму, например, завоевания, которое объективно играет роль скачка, завершающего длительное развитие и завоевателей, и завоеванных. Решительного и коренного разрыва между старым и новым господствующими классами нет — скорее можно говорить об их амальгамировании. Чем древнее формация, полагает докладчик, тем медленнее этот переход, тем больше преемственности между формациями и классами, тем длительнее период становления новой формации.

В своем развитии общественно-экономическая формация, говорит докладчик, проходит три стадии: становление, функционирование зрелых форм, кризис⁴. Превращение одной стадии в другую может быть рассмотрено на примере исследованного В. И. Лениным перехода капитализма в стадию империализма. Такой переход не меняет коренным образом классовую структуру и государственность при эволюции хозяйства, а потому не может рассматриваться как социальная революция. Как каждая формация имеет свои специфические законы, так и отдельным стадиям свойственны закономерности более частного порядка (что показано В. И. Лениным в его анализе империализма). Три стадии — патриархальную (ран-

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 17, стр. 341; В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 17, стр. 273 сл.; т. 33, стр. 12—13.

⁴ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 429, 483.

ною), стадию зрелости и позднюю — можно выделить и в рабовладельческом обществе. Закономерности каждой стадии здесь тем более заслуживают исследования, что вариантность развития в рабовладельческой формации была большей, чем, например, в капиталистической.

Три стадии образуют полный цикл развития формации, но в отдельных обществах отдельные фазы могут затягиваться или, напротив, быть краткими (так, в Западной Римской империи период кризиса был короче, чем в Восточной). Цикл развития может быть и неполным.

Период становления формации докладчик рассматривает как переходный период, разделяя его в свою очередь на две фазы: «внутриутробное» развитие в лоне старой формации и собственно период становления формации, начинающийся после перехода власти в руки нового класса, что существенно ускоряет развитие.

Следующая стадия развития формации — функционирование зрелых форм — характеризуется максимальным развитием производительных сил, расцветом экономики. В этот период происходит оформление типичной для данной формации классовой и социальной структуры, ее упрощение, наиболее четко выявляются основные классовые антагонизмы. В истории рабовладельческой формации этот период совпадает с наиболее крупными рабскими восстаниями, которые, однако, суть нормальные проявления функционирования формации. Эта стадия характеризуется наибольшим соответствием производительных сил и производственных отношений, наиболее адекватной базису надстройкой. Такой период относительного равновесия не может быть длительным, но в более древних формациях развитие более медленное (в Риме — четыре-пять столетий).

Переходя к характеристике стадии кризиса формации, докладчик еще раз указывает на общетеоретическое значение ленинских положений об империализме и специально останавливается на вопросе о сложности и противоречивости процесса развития. В условиях стадии кризиса еще проявляется жизнеспособность всей системы. Однако при господстве старого зарождаются черты нового и постепенно выявляются черты переходного периода. Докладчик предостерегает против односторонности: период кризиса, говорит он, есть в то же время и период движения вперед. Более того, докладчик полагает, что наибольшего развития все здание формации достигает именно в этот период. В этой связи докладчик возражает против взгляда на IV—V вв. как на время сплошного упадка. Наиболее динамичный элемент развития, указывает докладчик, — производительные силы; производственные отношения в своем развитии запаздывают, а политическая надстройка оказывается наиболее консервативной и нуждается в том, чтобы ее сбросили. Складываются предпосылки социальной революции.

Эту последнюю стадию — стадию кризиса формации докладчик также подразделяет на две фазы: первую, когда проявляется еще жизнеспособность старой формации и можно говорить о некотором движении вперед, и вторую, характеризующуюся разложением старых и становлением новых отношений. Эта вторая фаза отличается особым обострением и усложнением классовой борьбы, вспышки которой становятся теперь опасными для всей старой системы. В период падения рабовладельческого строя восстания угнетенных масс образуют как бы почву, основание, на котором вступают в столкновение старый и новый господствующие классы.

Понятие общественно-экономической формации не втискивает реальную жизнь в прокрустово ложе схемы, а служит могучим инструментом познания. Попытки буржуазных идеологов противопоставить учению о

формациях свои построения остаются бесплодными, так как сила марксистско-ленинского понимания истории в его жизненности.

А. С. Шофман (Казань) выступил с докладом «Проблемы складывания государственности в свете ленинского теоретического наследия».

В. И. Ленин, подчеркивает докладчик, во всей своей революционной деятельности всегда рассматривал учение о диктатуре пролетариата как главное программное требование революционной марксистской партии. Это учение непосредственно связано с вопросом о государственной власти, главным вопросом всякой революции. «Вопрос о государстве, — писал В. И. Ленин в августе 1917 г. в предисловии к первому изданию книги „Государство и революция“, — приобретает в настоящее время особенную важность и в теоретическом и в практически-политическом отношении»⁵. Поскольку этот вопрос затрагивает интересы господствующих классов больше, чем любой другой вопрос науки об обществе, он больше всего был запутан умышленно и неумышленно буржуазными учеными и искажен оппортунистами. В борьбе с идейными противниками В. И. Ленин не только восстановил подлинное учение Маркса о государстве, но и творчески развил это учение и обогатил его важнейшими теоретическими положениями применительно к эпохе империализма и пролетарских революций.

Переходя к вопросу о причинах возникновения государства, докладчик напоминает известные ленинские положения, ставящие возникновение и развитие государства в неразрывную связь с расколом общества на классы и непримиримостью классовых противоречий и определяющие государство как «орган или машину насилия одного класса над другим»⁶. Докладчик напоминает также об основных признаках государства (территориальное деление населения и публичная власть, отделенная от общества). Классики марксизма-ленинизма, говорит он, показали, что государство не навязано обществу извне, что оно — продукт общества на определенном этапе его развития.

Однако эта закономерность не исключает, а предполагает — при общем пути складывания государственности через распад родового строя — большое многообразие этого процесса в различных конкретных условиях. Задача изучения общего и специфического в этом процессе ставит перед исследователями ряд теоретически-методологических вопросов, как, например, 1) о различных результатах складывания государственности через разложение родового строя; 2) о характере классовых противоречий и степени четкости классовой структуры в период становления государства; 3) о конкретно-историческом своеобразии перехода от самоуправления доклассового общества к государственному управлению; 4) о значении экономических и политических связей между теми народами, у которых государство еще только возникает, и более развитыми рабовладельческими обществами; 5) о роли войн в формировании государственности; 6) о роли географического фактора; 7) об идеологическом обосновании социальных порядков, связанных с возникновением государства, и др.

Так как становление государства — процесс длительный (на что не раз указывали классики марксизма-ленинизма), идущий вместе с образованием классов, то, естественно, возникает вопрос о переходном периоде (как его ни называть), во время которого этот процесс вызревает и получает завершение. Это период существования общества, становяще-

⁵ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 3.

⁶ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 318.

гося, но еще не ставшего классовым, характеризующегося борьбой, постепенной заменой коллективистских производственных отношений новыми, основанными на частной собственности. Конкретные грани этого процесса установить трудно, но можно и нужно обнаруживать при изучении исторического материала новые качественные признаки в общественном развитии. Важно проследить, как новые социальные элементы «стараются приспособить старый общественный строй к новым условиям, пока, наконец, несовместимость того и другого не приводит к полному перевороту»⁷.

Большое значение имеет вопрос о трансформации догосударственных органов правления в государственные, в ходе которой органы родового строя постепенно отрываются от своих корней и превращаются в свою противоположность — «из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения, направленные против собственного народа»⁸.

Сложность этих вопросов и специфичность источниковедческой базы требует продуманной методики. Перспективным представляется применение сравнительно-исторического и ретроспективного методов. Последний метод дает возможность в каждом конкретном случае очертить нижние границы сложения государства, когда все его основные компоненты налицо, а также наметить, насколько позволяют источники, верхние границы этого явления, когда пробиваются первые бреши в родовом устройстве. Так, завершение процесса формирования афинского государства падает на конец VI в. до н. э., а его первые ростки относятся к так называемому тесеевскому синойкизму⁹. Римское государство, как считает Г. Гюнтер, сформировалось как рабовладельческое, видимо, лишь к IV—III вв. до н. э.; общество, основанное на куриях, а затем на центуриях (VI—V вв. до н. э.), соответствует государству переходного периода от родового строя к покоящемуся на рабстве — начало возникновения такого государства восходит к IX в. до н. э.¹⁰

Изучение переходного периода связано с вопросом о том, может ли существовать государство при нечеткой классовой структуре и при наличии одного или нескольких своих компонентов? Исходя из исторического опыта (и ссылаясь на конкретный материал), докладчик считает утвердительный ответ возможным.

В этой связи докладчик касается вопроса о пережитках первобытно-общинного строя в ранних государственных образованиях. Такие пережитки закрепляют нечеткость классовой структуры, затрудняют выявление грани, отделяющей государство от догосударственных образований.

Далее докладчик переходит к вопросу об окружающей среде. Сложение государственности, говорит он, есть процесс внутренний. Но, поскольку этот процесс происходит в определенных конкретных условиях, постольку он не может быть одинаковым для всех, а в известной мере зависит от этих условий. Докладчик останавливается на значении географического фактора, от которого в немалой мере зависели, например, исторические судьбы древневосточных государств. Рассматривается в докладе и роль мирного и военного соприкосновения с более развитыми соседями. Не абсолютизируя роль войн в процессе сложения государственности (как делают некоторые буржуазные историки), следует отметить,

⁷ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 26.

⁸ Там же, стр. 165.

⁹ См. там же, стр. 110.

¹⁰ Г. Гюнтер, К развитию социальной и имущественной дифференциации в древнейшем Риме, ВДИ, 1959, № 4, см. в особенности стр. 52 и 82.

что при определенных обстоятельствах война играла большую роль в утверждении государственной власти, консолидируя силы населения для борьбы с внешним врагом. Образование государства могло ускориться завоеванием обширных чужих территорий, для господства над которыми родовой строй не давал никаких средств. Существенной была роль также экономических и политических контактов.

Древние государства Средиземноморья соседствовали с огромным племенным миром. Нужно выяснить роль этих государств в сложении государственности у их соседей, имея в виду, что родоплеменной строй не мог мирно существовать рядом с рабовладельческими государствами. Процесс взаимодействия этих двух сил был противоречив. С одной стороны, войны с рабовладельческими государствами способствовали консолидации племен, усилению социальной дифференциации, создавали предпосылки для складывания государственности. С другой стороны, при перевесе сил рабовладельческих государств, процесс этот затормаживался и часто приводил к распаду общественных форм, уже достигнутых этими племенами, или вообще к их гибели.

Последняя часть доклада была посвящена вопросу о формах государства. Возникающее на развалинах родového строя государство находит свое конкретное выражение в тех или иных формах власти, разнообразных уже в период античности. Формы рабовладельческого государства не изменяли его классовой сущности. В этой связи докладчик подробно останавливается на высказываниях В. И. Ленина, в частности, о сущности античной демократии как формы диктатуры рабовладельцев¹¹, связывая этот вопрос с более широким: о формах демократии в различные исторические периоды. Докладчик задается вопросом, от чего конкретно зависят различные формы организации власти господствующим классом. Он полагает, что та или иная форма государственной организации в целом зависит от условий материальной жизни общества, взятых в их совокупности. Эти условия определяют разные способы разложения родоплеменного строя, в результате которых складывается разная расстановка классовых и общественных сил и развиваются разные формы эксплуатации. Докладчик рассматривает условия, при которых складываются такие формы государства, как деспотия, демократия, аристократия, монархия, подкрепляя свои соображения материалом из истории древневосточных государств, Афин, Спарты, Македонии.

Учение В. И. Ленина о государстве, заключает докладчик, — новая ступень в науке об обществе. Ленинский этап в развитии методологии государствоведения раскрывает исследователям античности широкие перспективы разработки ряда важнейших конкретных исторических проблем, связанных с выяснением своеобразия и местных особенностей многочисленных государственных образований у разных народов древности.

Прения открыла *Н. М. Постовская* (Москва). В докладе *Е. М. Штаерман*, сказала она, собран большой материал и поставлен важный вопрос о принципах использования теоретического наследия В. И. Ленина при изучении древней истории. Важные вопросы были затронуты и в других докладах.

Далее *Н. М. Постовская* говорит о некоторых конкретных проблемах истории древнего Египта, имеющих, однако, общетеоретический интерес, поскольку речь идет о древнейшем классовом обществе, возникшем непосредственно из недр первобытного, без влияния более развитых об-

¹¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, стр. 243.

ществ. Археологический материал не дает прямого ответа на вопрос об общественном строе, но позволяет судить о возникновении имущественного неравенства. Признаков последнего еще нет в некрополях конца так называемого прединастического периода, но в непосредственно следующих за ними картина сразу меняется: мы видим для массы населения резкое падение уровня потребления при наличии настоящего взрыва в уровне производства. Это с несомненностью свидетельствует об эксплуатации человека человеком. Но, чтобы судить о классах, нужны письменные источники. Они есть (и сам факт развития письменности говорит о многом). Из них мы узнаем о практике захвата скота и пленных в военных столкновениях. В соединении с данными об имущественном неравенстве это позволяет предполагать существование классового общества, формы которого можно лишь предположительно восстанавливать, исходя из более позднего материала Древнего царства.

Среди археологически устанавливаемых фактов следует отметить также исчезновение оружия (обычного раньше) в погребениях бедняков раннединастического периода и наличие в надписях I династии термина «воин», что свидетельствует об отделении вооруженных отрядов от народа.

Обращаясь к вопросу о классовой структуре египетского общества Древнего царства, Н. М. Постовская показывает, что хозяйственной единицей этого общества был «дом» — не сосредоточенное территориально объединение людей, связанных друг с другом фактическим или номинальным родством и общностью имущества. Наряду с общим имуществом члены дома имели и личное, вплоть до рабов. В ходе дифференциации более слабые дома включались в сильные в качестве зависимых. Основное деление общества проходило внутри «дома» с его привилегированным меньшинством и эксплуатируемым большинством «детей дома». Первое располагало всеми богатствами «дома» и имело доступ к высшим государственным должностям (также источник богатства) — вторые были обязаны работой, имея право лишь на минимум довольствия из доходов дома. Данные источников о положении «детей дома» заставляют предполагать, что мы имеем здесь дело с тем скрытым рабством (наряду с юридически существовавшим), о котором говорил Ф. Энгельс. Общество в целом, если подходить к нему так, как предлагает в своем докладе Е. М. Штаерман, следует считать раннерабовладельческим. Зарождение этого общества, видимо, и относится ко времени археологически засвидетельствованного зарождения имущественного неравенства.

В заключение Н. М. Постовская говорит о формировании государства в древнем Египте, которое относит к середине I династии.

На утреннем заседании 29 января прения были продолжены. *Е. Г. Суров* (Свердловск) посвятил основную часть своего выступления затронутому Н. М. Постовской вопросу об археологическом материале как источнике для решения некоторых теоретически важных проблем древней истории.

Наши историки, говорит *Е. Г. Суров*, оперируют преимущественно письменными источниками. Но опора на эти источники, по его мнению, чревата опасностями, связанными с исторической и социальной ограниченностью древних авторов. Следование им может ввести историка в ошибки. Материал археологии свободен от таких ограничений. В недооценке историками археологического материала в какой-то мере повинны, может быть, и сами археологи. В последнем учебнике археологии археолог определяется как историк, вооруженный лопатой. Но ведь задача археолога не только раскопать, но, прежде всего точно описать найденное, а затем и интерпретировать материал. *Е. Г. Суров* не согласен с Н. М. Постовской в оценке возможностей археологических источников. Именно

они дают историкам древности тот статистический материал, которого, как говорилось в докладе Е. М. Штаерман, им не хватает. Примером тому могут служить данные о херсонесских клерах, собранные и изученные в книге недавно скончавшегося С. Ф. Стржеleckого. Данные эти абсолютно точны, между тем они еще не используются так широко, как того заслуживают.

Археологические источники важны и для решения таких серьезных вопросов, как проблема континуитета. Данные археологии, касающиеся перехода от рабовладельческой формации к феодальной, могут помочь существенно уточнить наши представления.

Е. Г. Суров призывает историков шире опираться на археологический материал, внимательнее следить за успехами археологии. Он ссылается при этом и на опыт зарубежной исторической науки. В частности, больше откликов на работы наших археологов хотелось бы видеть и на страницах ВДИ, где такого рода материалы публикуются недостаточно систематически.

Т. В. Блаватская (Москва) останавливается на докладе В. И. Кузищина. Она указывает на плодотворность подхода докладчика к проблеме формации. В докладе, говорит Т. В. Блаватская, верно и своевременно поставлен вопрос о понимании переходного периода от одной формации к другой. Процесс гибели рабовладельческого общества и перехода к феодализму, правда, чрезвычайно осложнен происходившими тогда переселениями народов. Громадные масштабы этих переселений, наступление варваров на Империю, связанные с этим разорения чрезвычайно осложняют, а порой и затуманивают картину. Но, обращаясь к рассмотрению перехода от родового строя к рабовладельческому, мы можем наглядно убедиться в правильности предложенного докладчиком понимания переходного периода. Отчетливо видно, что общество поднимается на новую ступень. Высвобождающийся с подъемом производительных сил (в частности, с распространением металла) человеческий труд обращается на создание таких ценностей, которые прежде просто не могли быть созданы. Важен и ряд других положений доклада, в частности то, что говорилось о факторе сознания.

В заключение Т. В. Блаватская останавливается на вопросе, не затронутым в докладах: об истории формирования марксистско-ленинского представления о формациях. Она указывает на то, что это представление явилось итогом предшествовавшего двухвекового развития теоретической мысли. Современное представление о всемирно-историческом процессе, говорит Т. В. Блаватская, сравнительно молодо — оно существует со времен Вико, а большие общепризнанные построения нового времени берут начало от французских материалистов XVIII в. В этот период и зародилась идея о том, что в основе развития человеческого общества лежит развитие производительных сил, что организация труда является структурообразующим элементом. Эта идея пробила себе путь через многие течения мысли XIX в., которые нужно было преодолеть, с которыми нужно было вести борьбу, прежде чем она нашла — в трудах Маркса, Энгельса и Ленина — четкое выражение в понятии социально-экономической формации.

Н. Х. Юдикис (Вологда) начиная свое выступление, говорит, что историки-античники не должны отставать от общей идеологической жизни страны. Доклады, из которых, по его мнению, наиболее интересным был доклад А. С. Шофмана, показали, что труды В. И. Ленина требуют от всех нас еще большой работы по их изучению. Вместе с тем Н. Х. Юдикис отмечает и недостатки в подготовке симпозиума — тезисы докладов не были разосланы участникам.

Дав положительную в целом оценку докладам Е. М. Штаерман и В. И. Кузищина, Н. Х. Юдикис высказал несколько отдельных замечаний по этим докладам, равно как и по ранее опубликованным работам докладчиков. Так, ему представляется, что в докладе Е. М. Штаерман очень глухо прозвучала мысль о частной собственности. Вопрос о «соотношении двух форм собственности: частной и античной», полагает Н. Х. Юдикис, «неправильно решается в пользу античной», частная же собственность недооценивается. Со своим пониманием роли частной собственности Н. Х. Юдикис связывает представление о свободных гражданах как «едином коллективном рабовладельце». Полемизирует он и с ранее высказывавшимся мнением Е. М. Штаерман об античном пути развития как о «не магистральном». Возражая В. И. Кузищину, Н. Х. Юдикис останавливается на специфике римского государства как аграрного, на особенностях рабства в Риме. Он считает, что римские рабовладельцы вели более паразитический образ жизни, чем греческие, с чем связывает и особенности классовой борьбы.

В заключение Н. Х. Юдикис уделяет внимание еще двум вопросам — о латифундиях (споря с опубликованными работами В. И. Кузищина и Е. М. Штаерман) и о периодизации (отказываясь считать I в. н. э. временем расцвета римского государства). Свои утверждения Н. Х. Юдикис стремится подкрепить ссылками на труды классиков марксизма-ленинизма (а также на свою статью в «Ученых записках Вологодского гос. пед. ин-та»).

А. Г. Бокщанин (Москва) оценивает прослушанные им доклады как интересные и полезные, заставляющие о многом подумать. Однако следует указать на одно из ленинских положений, не нашедшее достаточного освещения в докладах (в частности, в докладе В. И. Кузищина). Речь идет о характеристике исторического процесса, данной в работе В. И. Ленина «О брошюре Юниуса» и ленинской полемике против теории прямолинейного прогресса¹². В этой связи А. Г. Бокщанин не считает возможным согласиться с утверждением В. И. Кузищина о том, что в период поздней античности рабовладельческий способ производства еще не изжил себя. Полемизируя с докладчиком, А. Г. Бокщанин ссылается и на данные демографии. По мнению специалистов, наибольшая численность населения в Средиземноморье приходится на I в. н. э. (это, кстати сказать, не позволяет согласиться с Н. Х. Юдикисом, считающим I в. уже временем кризиса), позднее она падает. В I—II вв. Империя отражала нападения варваров, а в III—IV вв. для этого уже не было ни сил, ни средств. Поражение римлян при Адрианополе сравнивают с Каннским, но после Канн Рим смог оправиться, а после Адрианополя (где потери были меньше) пришлось, в поисках людских резервов, обращаться к варварам. Около 600 г. в огромном Риме было всего около 20 тыс. человек (против 1,5 млн. в I в.) — это была каменная пустыня. Как полагает А. Г. Бокщанин, регресс производительных сил, огромный скачок назад несомненен.

В связи с проблемой временного регресса производительных сил А. Г. Бокщанин указал на то, что в нашей науке нередко не уделяется достаточное внимание вопросам демографии, динамики населения. Недооценивается роль такого, например, события как афинская «чума» (в действительности — сыпной тиф) 430 г. до н. э. Говоря об античном городе, мы не принимаем во внимание такую существенную его черту как скученность населения. Надо учитывать и значение геологических ката-

¹² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 6.

строф (сейчас представляется доказанной их роль в падении критской цивилизации) и изменения береговой линии (например, отход моря от Эфеса или Приены). Роль природных катастроф для человеческого общества, находящегося на низших ступенях развития, больше, чем иногда думают.

В выступлении *А. И. Павловской* (Москва) прозвучала мысль о последовательных этапах освоения теоретического наследия основоположников марксизма-ленинизма несколькими поколениями советских историков. В 20—30-х годах главное внимание привлекали вопросы классовой структуры, классовой борьбы; в 40—50-х гг. — вопросы экономической истории. Сейчас к тем же работам классиков марксизма-ленинизма мы подходим более глубоко. Мы видим, что общественно-экономическая формация рассматривалась ими как сложная система, включающая целый ряд элементов. И понять ее можно лишь изучая эти различные элементы в их взаимосвязях.

В данном отношении заслуживает внимания доклад *Е. М. Штаерман*, где рассматривается метод *В. И. Ленина* в исследовании конкретного материала других формаций, что позволяет опереться на этот метод и при исследовании рабовладельческой формации. Докладчик стремится дать более широкую картину формации, не ограничиваясь рабством и формами собственности. То же самое можно сказать и о докладах *В. И. Кузнецина* и *А. С. Шофмана*.

Подчеркивая, что нельзя формацию определять одним элементом — рабством, *А. И. Павловская* приводит примеры самой широкой эксплуатации рабов в Южной Америке XVII в., в Италии и на Кипре в XIV—XV вв. Это, однако, не дает нам права считать соответствующие общества рабовладельческими. Чтобы говорить о рабовладельческой формации, нужны, кроме рабства, и другие элементы: определенные формы собственности, специфические государственные системы.

А. И. Павловская обращает внимание также на то, что в трудах классиков марксизма-ленинизма отдельные суждения по конкретно-историческим вопросам, основанные на материале, каким располагала тогда наука, не оставались неизменными¹³. *Ф. Энгельс* указывал: «Наше понимание истории есть прежде всего руководство к изучению, а не рычаг для конструирования на манер гегельянства»¹⁴. Важно, чтобы осмысление нового научного материала велось с позиций марксистско-ленинского метода.

В заключение *А. И. Павловская* делает одно частное замечание по докладу *А. С. Шофмана*, утверждавшего, что «там, где государство оформляется в результате завоевания чужих территорий, оно обычно принимает форму монархии». Но ведь в Македонии, например, монархия сложилась без такого завоевания, а в Спарте завоевание к монархии не привело. Очевидно, вопрос об образовании той или иной формы государства очень сложен и не может решаться прямолинейно, но требует всякий раз конкретного анализа.

А. М. Ременников (Казань) присоединяется к *А. И. Павловской* в оценке докладов. Он отмечает, что докладчики подошли к своей задаче творчески, уделив главное внимание взглядам *В. И. Ленина* на исторический процесс в целом и его научному методу, а не только отдельным высказываниям, касающимся древности.

Далее *А. М. Ременников* остановился на вопросе о роли войн в античности. В трудах основоположников марксизма-ленинизма, говорит он,

¹³ См. *К. Маркс*, *Ф. Энгельс*, Соч., т. 22, стр. 214, 225.

¹⁴ *К. Маркс*, *Ф. Энгельс*, Соч., т. 37, стр. 371.

всегда учитываются те потрясения в жизни общества, о которых напоминал нам здесь А. Г. Бокщанин. Вопросу о войнах, в частности, В. И. Ленин всегда придавал большое значение. Оценивая роль войны в античном обществе, следует, разумеется, проявлять осмотрительность, но ведь и само рабовладельческое общество придавало большое значение войнам. Вся внешнеполитическая история Рима — это история войн. Особое внимание нужно уделять роли варваров, изменениям в соотношении сил между Римом и варварами и т. п. При полном учете внутренних факторов, действовавших в истории того или иного государства или народа, нужно с той же полнотой принимать в соображение и факторы внешние.

Ю. К. Колосовская (Москва) отмечает, что в докладах интересно поставлены вопросы теории. В докладе Е. М. Штаерман показано во всей широте ленинское понимание социально-экономической формации. Важно, что докладчик исходит не из отдельных высказываний, а из изучения всего теоретического наследия В. И. Ленина. Интересны и другие доклады. Далее Ю. К. Колосовская останавливается на вопросах, затронутых в докладе А. С. Шофмана, наиболее близком ее научным интересам.

Доклад этот привлекает прежде всего тем, что в нем автор пытается наметить узловые моменты становления государства. Очень ценно, что докладчик подчеркнул важность мысли Ленина о большой длительности этого процесса. Ю. К. Колосовская замечает, что те явления, к которым мы обычно подходим с точки зрения разложения первобытного строя, полезнее рассматривать как признаки формирующегося государства. Такой подход позволит нагляднее представить ход исторического развития.

Рассматривая с этой точки зрения данные письменных источников о варварах — противниках Рима, можно отметить ряд элементов формирующегося государства. Так, хотя армии, целиком отделенной от народа, мы у варваров не встречаем (как, впрочем, и у Рима до I в. до н. э.), но какая-то вооруженная сила уже находится под контролем «государства» (флот у иллирийцев, у языгов). Социальная структура общества может быть недостаточно четкой, но скудные данные о «первейших», «могущественных» при сопоставлении с другими говорят о зарождающемся делении общества на классы. Существенные выводы позволяет делать монета. Хотя возникновение чекана может быть результатом влияния более развитого соседа, но распространение той или иной монеты уже говорит о многом. Итак, длительный, представляющийся аморфным период «разложения родового строя» на каком-то этапе надо определять как период формирования классового общества и государства. Касаясь вопроса о главных признаках формирования классового общества, Ю. К. Колосовская указывает на важность перехода земли в частную собственность.

Возвращаясь к затрагивавшемуся уже в прениях вопросу о слишком прямолинейном решении проблемы складывания той или иной формы государства, Ю. К. Колосовская замечает, что формирование политической власти, как правило, происходит в виде ранних форм монархии (которые мы находим и в Греции, и в Риме, и в племенном мире). Говорить (вслед за древними авторами) о трех формах государственного строя можно только в применении к развитому античному государству.

Вечернее заседание 29 января открылось докладом Д. И. Каллистова (Ленинград) «Античная идеология в свете ленинских воззрений на культуру».

Взгляды В. И. Ленина на культуру современного ему капиталистического общества, говорит докладчик, сложились и были высказаны за несколько лет до революции в ходе острой полемики с буржуазными

националистами. В. И. Ленин выступил против буржуазного лозунга единой национальной культуры и сформулировал свою мысль о двух культурах, существующих в каждой национальной культуре. «В каждой национальной культуре есть, хотя бы не развитые, элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую. Но в каждой нации есть также культура буржуазная (а в большинстве еще черносотенная и клерикальная) — притом не в виде только „элементов“, а в виде господствующей культуры»¹⁵.

В. И. Ленин воспринимает культуру как сложное явление общественной жизни, отражающее не только деление общества на классы, но и на отдельные прослойки внутри классов. Хотя в буржуазно-капиталистическом обществе господствующее место занимает, естественно, буржуазно-капиталистическая культура, но в нем продолжают существовать и культуры мелкобуржуазная, помещичья, клерикальная, чиновничья и т. д. и одновременно существуют элементы демократической и социалистической культуры. Главная демаркационная линия, однако, четко отделяет буржуазно-капиталистическую (со всеми ее разновидностями и реминисценциями) культуру от культуры, еще формирующейся, только еще возникающей, класса эксплуатируемых.

После Великой Октябрьской социалистической революции в 1919—1920 гг. в своих речах и статьях В. И. Ленин вновь возвращается к вопросу о культуре, на этот раз уже о культуре победившего пролетариата. Подчеркивая, что марксизм «отнюдь не отбросил ценнейших завоеваний буржуазной эпохи, а, напротив, усвоил и переработал все, что было ценного в более, чем двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры», В. И. Ленин продолжает: «Только дальнейшая работа на этой основе и в этом же направлении, одухотворяемая практическим опытом диктатуры пролетариата, как последней борьбы его против всякой эксплуатации, может быть признана развитием действительно пролетарской культуры»¹⁶. Выдвигаемое требование критического освоения культурных ценностей предполагает, что вся культура человечества (а не только национальные культуры) складывалась исторически из неоднородных и разнокачественных элементов и, таким образом, тоже не представляет собою чего-то единого.

В какой мере взгляды В. И. Ленина, высказанные по поводу современной ему культуры классового антагонистического общества капиталистической эпохи, могут быть распространены на античную культуру, сложившуюся в далеком прошлом в условиях рабовладельческого строя? Научной литературой по данному вопросу мы, к сожалению, еще не располагаем. Поэтому в настоящем докладе приходится ограничиться лишь постановкой вопроса.

С теоретической точки зрения, говорит докладчик, если потребность в собственной идеологии и свои особые культурные запросы возникают в среде эксплуатируемых и угнетенных капиталистического общества с исторической необходимостью, то в силу той же необходимости такие же потребности закономерно должны были возникнуть и в среде эксплуатируемых и угнетенных рабовладельческой (и феодальной) эпохи. И у них должны были быть особые культурные запросы и чаяния, своя культурная жизнь, не совпадавшая с культурной жизнью господствующих клас-

¹⁵ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 24, стр. 120—121; см. также стр. 129.

¹⁶ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 337.

сов. Разумеется, эта культура эксплуатируемых низов могла существовать лишь в виде отдельных, еще весьма мало развитых элементов.

Однако, обращаясь к конкретному материалу истории античной культуры эпохи ее наивысшего расцвета, докладчик полагает, что изучение культурной жизни социальных низов, и прежде всего рабов, наталкивается на ряд серьезных, если вообще преодолимых, затруднений. Исходя из того, что у античных рабов не было будущего (т. е. из того, что угнетенный класс античного общества не стал господствующим), докладчик исключает возможность применения приемов ретроспективного исследования (которые позволили бы, опираясь на наблюдения над уже оформившимися явлениями культурной жизни, установить их первые ростки). Рабы не занимали однородного положения в производственном процессе той эпохи — не были объединены в численно большие коллективы; не представляли они однородной группы и в этническом отношении. Характер и состояние дошедших до нашего времени исторических источников почти полностью лишает нас возможности ясно представить себе внутренний облик античного раба.

Антагонизмом между рабами и рабовладельцами, однако, социальная борьба в античном мире не исчерпывалась. Социальная жизнь эпохи пронизывалась и борьбой между различными слоями свободного населения: между знатными и незнатными, бедными и богатыми, полноправными и неполноправными. Дошедшие до нас памятники античной литературы запечатлели эту борьбу и позволяют уловить различия в культурных запросах и самой культуре различных слоев античного общества.

С этой точки зрения очень важно дальнейшее изучение социальной терминологии античной эпохи. Ведь с каждым из таких терминов связывались представления не только о социальном положении, но и об определенном культурном уровне. Речь, однако, должна идти не только о количественном различии: мы можем представить себе круг, где имели хождение философские и литературные произведения с антидемократической направленностью. Они, конечно, представляли культуру не тех кругов, против которых были направлены.

Отмечая, что четко определить границы между различными социально-культурными кругами нелегко, докладчик указывает, что исследователю волей-неволей приходится ограничиваться лишь более общими характеристиками литературных произведений с разбивкой их на демократические, антидемократические и нейтральные. Докладчик указывает и на эволюцию социального звучания тех или иных произведений. В периоды крайнего обострения социальных противоречий произведение, так или иначе затрагивающее основной социальный конфликт, тем самым становилось достоянием одного культурного круга и отвергалось другим. Со временем утрата литературным произведением боевого накала могла привести и к социальному его переосмыслению. Так, стихи Феогнида, непримиримого сторонника аристократии, были чужды культуре демократических слоев греческих городов до тех пор, пока было актуальным противоречие между старой знатью и ее противниками. Падение аристократического режима притупило социальную заостренность этих стихов, а некоторая часть их могла, в силу ряда причин, получить новое звучание: классовая мысль стала звучать как общечеловеческая, и в этом своем значении стихи мегарского поэта (пусть не все) были восприняты культурой рабовладельческой демократии.

Далее докладчик говорит о литературе, которая (как афинская трагедия классического времени) творилась в расчете на то, что ее будет слушать весь народ, и потому дает наиболее ценный и полный материал для

суждений о культурной жизни наиболее широких слоев античного общества. Рядом с ней, однако, существовала литература специфическая, связанная с теми или иными социально-культурными кругами. Такую специфическую литературу имели не только высшие слои античного общества. Иногда представляется возможность уловить какие-то следы устных рассказов, городского фольклора, бытовавшего, например, среди ремесленников. Так, в рассказе поэтессы IV—III вв. до н. э. Мойро, сохранившемся у Парфения, мы встречаемся с образом Афины — покровительницы женщин-ремесленниц. В подобной же связи докладчик упоминает и о творчестве Гиппонакта.

Во всех этих случаях, полагает докладчик, речь должна идти не только об отражении социальной жизни в литературе, но о чем-то большем. Тут, в дошедших до нас произведениях античных авторов, раскрываются особые категории мышления и восприятия действительности, присущие определенным социальным слоям.

В Риме все эти явления осложнялись также воздействием иноземной греческой культуры, усвоенной высшими кругами общества. Самая причастность к греческой культуре определяла принадлежность к известному (хотя тоже отнюдь не однородному) культурному кругу. (Но, разумеется, причастность автора того или иного произведения к греческой культуре не предопределяет решение вопроса об общей идеологической направленности произведения.)

Число примеров, свидетельствующих о расчлененности античной культуры, включает докладчик, можно было бы значительно умножить, обратившись к другим сферам культурной жизни эпохи: к истории античных религиозных представлений, органически связанных с мифотворчеством и поэзией; к истории изобразительного искусства (в частности вазовой живописи) и т. д.

Таким образом, существуют основания прийти к выводу, что воззрения В. И. Ленина на современную ему культуру обладают и более широким методологическим значением. Изучение античной литературы с этих методологических позиций, безусловно, может раскрыть такие стороны культурной жизни античного мира, какие до сих пор не приковывали к себе должного внимания или даже вообще оставались незамеченными. В этой области научных исследований, как и в очень многих других, в полной мере может сказаться животворящая сила ленинских идей. В области изучения античной культуры эта задача еще ждет исследователя.

Затем с докладом «Образы античной мифологии в публицистике В. И. Ленина» выступила А. А. *Нейхардт* (Ленинград).

Живая органическая связь современной нам культуры с культурами прошлых эпох, к которым она генетически восходит, начинает докладчик, не только в полной мере осознавалась В. И. Лениным, но и творчески претворялась в его трудах. Известная ленинская мысль о необходимости критического усвоения пролетарской культурой всего культурного наследия прошлого ярко сказывается в литературных приемах изложения во многих ленинских работах.

Большой интерес к античной культуре, как показывает докладчик, зародился у В. И. Ленина еще в гимназические годы. Он с увлечением занимался латинским и древнегреческим языками, входившими в классической гимназии в число обязательных дисциплин. В период занятий в Казанском университете, а затем, готовясь к сдаче экзаменов экстерном при Санкт-Петербургском университете, В. И. Ленин значительно расширил и углубил свои знания в области античности, что позволило ему самым блестящим образом сдать экзамены за юридический факультет

(одним из вопросов на экзамене была характеристика «Законов» Платона, другим — история магистратского эдикта в римском праве как республиканского, так и императорского периодов). Хотя у В. И. Ленина и нет специальных работ, посвященных какой-либо из проблем античной истории, в его богатом наследии немало материалов, свидетельствующих о внимательном и бережном отношении к античной культуре.

Особенно поучительны в этом отношении высказывания В. И. Ленина об античной философии. Он хорошо знал философскую мысль древних греков, высоко ценил ее смелость и глубину. Просматривая страницы «Философских тетрадей», посвященные анализу учений древнегреческих мыслителей, нельзя не обратить внимания на то, что В. И. Ленин, изучая античную философию, сверял с первоисточниками цитаты, приводимые Гегелем и Лассалем, и при этом не раз отмечал неверный перевод или неправильную интерпретацию текста древнего автора. Такое критическое изучение античной философии, восстановление основных ее положений по подлинникам хорошо характеризует то углубленное внимание, с каким В. И. Ленин занимался античностью.

Не случайно поэтому на страницах многих его работ встречаются образы, сравнения, метафоры, почерпнутые из сокровищницы античной мифологии и литературы. Античность предоставила в распоряжение В. И. Ленина-публициста целый арсенал выразительных образов, позволявших ему одним метким словом охарактеризовать политического или идеологического противника, либо создавшуюся ситуацию, высмеять незадачливого полемиста. Свободно владея материалом греко-римской мифологии, литературы и истории, В. И. Ленин всегда находил точное образное сравнение, наиболее подходившее в том или ином случае.

На большом материале конкретных примеров докладчик показывает применение В. И. Лениным таких сравнений и уподоблений, сатирическое использование таких образов античной мифологии, как рассерженный Юпитер, рождающаяся из головы Юпитера Минерва, двуликий Янус, самовлюбленный Нарцисс и многие другие. На страницах ленинских сочинений мы часто встречаемся также с именами античных писателей, историческими личностями древности. В. И. Ленин широко использовал латинские поговорки и изречения, близкие ему своей лаконичностью, выразительностью, ясностью.

Что же касается роли собственно мифологических образов в ленинской публицистике, то, подытоживая все сказанное, докладчик подчеркивает, что по большей части В. И. Ленин пользуется ими в плане сатирическом, для того чтобы усилить, оттенить или заострить характеристику отдельных лиц или явлений, о которых идет речь. В приложении к современной В. И. Ленину эпохе эти древние образы получали на страницах ленинских работ новое звучание, новую остроту и яркую политическую злободневность. Непревзойденное умение подчинить требованиям современности всю свою эрудицию, весь свой полемический талант находит отражение и в использовании образов античной мифологии В. И. Лениным-публицистом.

После выступления докладчиков были продолжены прения. Выступивший первым Л. А. Ельницкий (Москва) говорит о докладе Д. П. Каллистову как об оставившем у него двойственное впечатление. Прежде всего следует приветствовать постановку вопроса о культуре низов античного общества как об особой культуре (некоторые историки отрицают возможность такой постановки вопроса). Однако из доклада же видно, что этот вопрос мало разработан. И нельзя не пожалеть, что те немногие работы, где речь идет о рабской идеологии, об элементах демократизма в сфере литературы, мифологии, изобразительного искусства, остаются без ис-

пользования. Уже накопившиеся в научной литературе данные не суммируются. Поэтому привлеченный докладчиком (который тоже начинает как бы с азов) конкретный материал довольно случаен.

Коснувшись некоторых вопросов, затронутых выступавшими по другим докладам, Л. А. Ельницкий особое внимание уделяет использованию в науке новых, в частности, археологических материалов. В этой связи он высказал сожаление о том, что археологи не привлечены к более активному участию в работе симпозиума. Возможно тогда сказанное здесь об археологических источниках прозвучало бы иначе. Если приводить конкретные примеры возможностей археологии в решении вопросов о классовом делении того или иного общества, то следует указать на значение археологических данных для доказательства распространения рабства у скифов. Недавние раскопки позволили обнаружить много захоронений рабов, принадлежавших людям из средних слоев скифского общества.

А. И. Немировский (Воронеж) отмечает, что, хотя круг тем докладов для настоящего симпозиума можно было бы и расширить (так, большого внимания заслуживает тема партийности в антиковедческой науке), выслушанные доклады показали, как много дает изучение трудов В. И. Ленина для исследователей древней истории.

Касаясь доклада Д. П. Каллистова, А. И. Немировский отмечает, что вопрос о применении ленинского положения о двух культурах в каждой национальной культуре нового времени к изучению античности уже ставился в нашей науке. Он ссылается на вышедшую в 1954 г. «Историю римской литературы» под ред. Н. Ф. Дератани (в которой, правда, видит пример чересчур прямолинейного подхода к вопросу) и на одну из редакционных статей ВДИ (1957, № 1, стр. 14). Правильный подход к этой теме требует соблюдения требований историзма — разница между эпохами не только в том, что античность не знала наций, но и в уровне классового сознания. Ведь рабы, по словам В. И. Ленина, «никогда не могли создать сознательного большинства, руководящих борьбой партий, не могли ясно понять, к какой цели идут, и даже в наиболее революционные моменты истории всегда оказывались пешками в руках господствующих классов»¹⁷.

Вопрос об идеологии низов, в частности рабов, о мыслях и чаяниях «маленького человека» древности тоже, вопреки тому, что говорилось в докладе, изучался в советской (да и в зарубежной) науке.

Далее А. И. Немировский говорит об опасности схематизирующего шаблонного подхода к сложным явлениям культурной и идеологической жизни античности, указывает на своеобразную диалектику их исторического развития. Он приводит примеры, показывающие, что некоторые элементы идеологии социальных низов Рима могут делать их на определенном этапе истории Империи опорой императорской бюрократии, а демократические тенденции (вплоть до критики бесчеловечного обращения с рабами) могут проявляться в творчестве представителей старой рабовладельческой аристократии.

Выступая против шаблона в науке вообще (и критикуя в связи с этим выступление Н. Х. Юдикиса), А. И. Немировский призывает обращаться не к отдельным цитатам, но к ленинскому учению в целом. Он указывает, в частности, на большую роль ленинского учения об укладах для историков древности. Достигнутый советской наукой уровень изучения наследия классиков марксизма-ленинизма стал достоянием и зарубежных ис-

¹⁷ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 39, стр. 82.

ториков-марксистов (в этой связи можно упомянуть исследования Э. Серени о североиталийской сельской общине, показавшие ее устойчивость на протяжении всей античности).

Доклад А. А. Нейхардт, по мнению А. И. Немировского, интересен прежде всего тем, что в нем показан конкретный — очень высокий — уровень знаний В. И. Ленина об античности.

Последний вопрос, на котором останавливается А. И. Немировский, — вопрос о материале, которым могли оперировать основоположники марксизма-ленинизма, и о новом материале, который вошел в науку за последние полвека и еще ждет обобщения с марксистско-ленинских позиций. К этому новому материалу, кроме большей части наших сведений о древнем Востоке, относится также все, что мы знаем о древнейших государствах Эгейского мира.

В кратком выступлении *Н. А. Сидоровой* (Москва) было приведено несколько примеров, подтверждающих высказанную в докладе Д. П. Каллистова мысль о неоднородности античной культуры. В изобразительном искусстве некоторых (хотя обычно недолгих) периодов античности очень четко видны два (или больше) «потока». В этой связи Н. А. Сидорова ссылается на римский скульптурный портрет позднереспубликанского и раннеимператорского времени, на раннюю греческую вазопись.

А. С. Шофман поделился мыслями, вызванными у него докладом А. А. Нейхардт. Интересно проследить, говорит он, как складывались интересы В. И. Ленина к античности; мы знаем его гимназических учителей — это были воспитанники Казанского университета, ученики таких крупных антиковедов, как В. И. Модестов и Д. И. Нагуевский.

Другое замечание А. С. Шофмана касалось затрагивавшегося в прениях вопроса о складывании государства. Накопление нового материала, подчеркивает он, не изменяет основных положений марксистско-ленинской теории по этому вопросу. При конкретном исследовании следует различать, имеем ли мы дело со складыванием государства из первобытно-общинного строя или со вторичными образованиями.

Рассматривая вопрос о значении ленинских трудов для историка древности, заключает А. С. Шофман, следует обращать внимание и на методологическое и на историографическое их значение. Изучая ленинские конкретные исторические характеристики, интересно знать, почему именно в тот или иной момент В. И. Ленин обратился к данному историческому вопросу, каким материалом он располагал, на какую аудиторию рассчитывал.

С несколькими краткими замечаниями выступила *Р. Е. Ляст* (Уфа). В связи с затронутыми в докладе Д. П. Каллистова проблемами, говорит она, уместно было бы заняться некоторыми вопросами социальной психологии. Это помогло бы объяснить, почему во времена ранней Империи сенаторы-аристократы выступали сторонниками «демократического государственного строя». Р. Е. Ляст предостерегает (ссылаясь, в частности, на работы М. Е. Сергеевко) против идеализации рабской психологии.

Касаясь тех же вопросов, *Л. П. Маринович* (Москва) указывает на чрезвычайную сложность культурной жизни античного общества. Не только различные классы и сословия имели свою идеологию и социальную психологию, но и более узкие группы, связанные корпоративными и профессиональными интересами (например, наемники, чья идеология наложила отпечаток, в частности, на сочинения Ксенофонта).

Д. П. Каллистов, отвечая выступавшим по его докладу, вновь подчеркнул, что, с его точки зрения, научной литературы, специально посвященной основному вопросу его доклада, еще нет. Есть только отдель-

ные замечания и высказывания в разных работах. Что касается идеологии и культуры рабов, то М. Е. Сергеев считает, что ее можно выявить, но, по мнению докладчика, это чрезвычайно трудно. Д. П. Каллистов соглашается с замечанием, что различные потоки в античной культуре не всегда обнаруживаются с равной отчетливостью. Культура господствующего класса подавляла иные тенденции. В заключение он вновь подчеркивает, что задачей доклада была прежде всего постановка вопроса.

Закрывая заседание, председательствующий *С. Л. Утченко* отметил, что все докладчики подошли к своей задаче творчески — прочитанные доклады представляют большой интерес. Заслуживает внимания и многое из того, что было сказано в прениях. Обсуждение докладов было полезным, хотя, конечно, отдельные утверждения некоторых выступавших остаются спорными. В заключение председательствующий поблагодарил всех, принявших участие в работе симпозиума.

Р. А. Грибов

ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В МАРИ

В 1933 г. Французские археологи под руководством А. Парро начали раскопки на месте древнего города Мари (совр. Телль-Харири на Среднем Евфрате). Раскопки с небольшими перерывами продолжаются и сейчас. Среди других памятников здесь был открыт дворец эпохи первой вавилонской династии. Кроме того, за время своих работ А. Парро собрал в различных помещениях города коллекцию клинописных табличек, число которых превышает двадцать тысяч.

Этот обильный документальный материал еще Ф. Тюро-Данжен разделил на две большие группы: к первой он отнес письма, ко второй — хозяйственные тексты¹. Дальнейшее изучение всей массы текстов в общем не изменило этого деления. С 1941 г. французские ассириологи начали издание архива Мари, опубликовав к настоящему времени более двух тысяч документов.

Примерно одна четверть изданных текстов датируется годами правления ассирийского царя ШамшиАдада I (1815—1782), при котором большая часть Северной Месопотамии, включая государство Мари и город того же названия, входила в состав Ассирии, остальные тексты относятся ко времени ЗимриЛима (1780—1757), последнего царя Мари.

Одновременно с изданием текстов появилось и продолжает появляться большое число работ, посвященных анализу разнообразных данных, содержащихся в архиве Мари. Однако, насколько нам известно, до сих пор нет ни одного исследования, где бы специально рассматривались земельные отношения в Мари. Последнее не означает, однако, что этот важный вопрос был совершенно обойден. Так, Х. Кленгель, разбирая случаи царского пожалования земель кочевым и полукочевым племенем, приходит к выводу о наличии в государстве Мари царских земель и земель, принадлежащих кочевникам (ВДИ, 1967, № 4, стр. 67). Другой исследователь, Г. Ивенс в статье об использовании рабочей силы в Мари считает возможным наличие земель за пределами царского хозяйства².

В архиве Мари неоднократно упоминается дворцовая или царская земля (*eqel ekallim*). Наличие царской земли определено зафиксировано в городах Мари (ARMT, II, 61, 26; IV, 4, 6'; IV, 10, 18'; VI, 47, 6; XIII, 39, 10), Терке³ (ARMT, II, 99, 34; III, 77, 17), Дире⁴ (ARMT, VI, 3, 12),

¹ F. Thureau-Dangin, RAss, 35, 1936, стр. 170.

² G. Evans, RAss, 62, 1963, стр. 76.

³ Город находился на Евфрате в 60 км севернее Мари — J. R. Kupper, RAss, 41, 1947, стр. 149; ARMT, XV, стр. 136.

⁴ В отличие от Дера, расположенного на вавилоно-эламской границе, Дир находился не далее одного дня пути от Мари — D. O. Edwards, Pantheon und Kult in Mari, «XVe rencontre assyriologique internationale. La civilisation de Mari», P., 1967, стр. 61, прим. 4.